

ДОКЛАД МЕЖДУНАРОДНОГО ДИСКУССИОННОГО КЛУБА «ВАЛДАЙ»

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

ФОРМУЛА ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СТАБИЛЬНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ И ЕГО АЛЬТЕРНАТИВЫ

Иван Тимофеев

МОСКВА, АВГУСТ 2017

Автор

Иван Николаевич ТИМОФЕЕВ

кандидат политических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», директор программ Российского совета по международным делам (РСМД)

Доклад подготовлен с использованием материалов ситуационного анализа, проведенного 9 марта 2017 г., с участием следующих экспертов:

Дмитрия Александровича Данилова,

кандидата экономических наук, заведующего отделом европейской безопасности Института Европы Российской академии наук, профессора Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;

Андрея Владимировича Загорского,

кандидата исторических наук, заведующего отделом разоружения и урегулирования конфликтов Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН);

Сергея Константиновича Ознобищева,

кандидата исторических наук, заведующего сектором военно-политического анализа и исследовательских проектов Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), профессора Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;

Дмитрия Викторовича Стефановича,

эксперта РСМД;

Прохора Юрьевича Тебина,

кандидата политических наук, эксперта РСМД.

Содержание

Постановка проблемы	3
Формула евроатлантической безопасности	4
Фактор X. Баланс сил.....	6
Фактор Y. Асимметрия НАТО	10
Фактор Z. Режимы и институты.....	11
Фактор α . Восприятие и идентичность.....	13
Фактор β . Конфликты на периферии	14
Фактор γ . Новые пространства уязвимости и конкуренции	15
Фактор $\overline{A}$. Внерегиональные силы	17
Сценарии евроатлантической безопасности.....	18
Сценарий 1. Стабильное сдерживание.....	18
Сценарий 2. Неустойчивое сдерживание	19
Сценарий 3. Конфликт	19
Сценарий 4. Сокращающееся сдерживание.....	19
Сценарий 5. Партнерство.....	20
Заключение: парадокс стабильного сдерживания	20

Постановка проблемы

Ученые будущего наверняка будут изучать сегодняшние отношения России и Запада как один из парадоксов. Они будут ссылаться на него как на пример нелинейности мировой политики, найдут в нем массу «черных лебедей» и защитят множество диссертаций о непредсказуемых отношениях великих держав. Действительно, в короткие по историческим меркам сроки система евроатлантической безопасности пережила обвальную деградацию. Из хорошо отлаженной и рациональной системы, какой ее видели идеалисты постбиполярных времен, она скатывается к состоянию гоббсовской анархии и страха. И это при том, что накануне грянувшего в 2014 г. кризиса мало что предвещало столь быструю смену парадигмы. Обвал постбиполярной архитектуры был скоротечным и необратимым.

В отличие от академических ученых, которые могут позволить себе роскошь исследовать причины и следствия происходящего постфактум, политики и дипломаты живут настоящим и вынуждены принимать решения здесь и сейчас. Причем для них это задача с неполной информацией: в ней очень много неизвестных, а известные параметры либо устарели, либо дают прямо противоположные эффекты. Им приходится минимизировать ущерб от разрушения сложившегося порядка и одновременно закладывать основы нового. В этих реалиях необходим взгляд за горизонт – понимание возможных принципов, на которых могла бы выстраиваться новая система, решающая проблемы безопасности для всех заинтересованных сторон. Именно здесь требуется взаимодействие практиков и экспертов. На протяжении нескольких десятилетий экспертиза в области евроатлантической безопасности становилась все более абстрактной. Сегодня же как никогда востребованы визионеры, владеющие фактами и деталями, но при этом готовые к кардинальному пересмотру устоявшихся взглядов.

В нашем докладе мы исходим из следующего понимания проблемы. На сегодняшний день в Евроатлантическом регионе сложилась

асимметричная и несбалансированная система безопасности. В ее основе – существенный разрыв в потенциалах между Россией и НАТО. И если до украинского кризиса асимметрия была не критичной, то в сегодняшних условиях она порождает серьезные риски. Серия вмешательств под различными предлогами и по различным причинам, проводившихся в 1990-е и 2000-е гг. (Югославия, Ирак, Ливия, Грузия, Украина, Сирия и др.) существенно расшатала международное право и авторитет международных институтов. Постепенной эрозии подверглись режимы контроля над вооружениями. Одновременно появились новые факторы, порождающие неопределенность – кризисные и слабоуправляемые государства, радикальные движения, угрозы гибридной войны, превращение киберсреды в пространство уязвимости и конкуренции. Нарастает идеологическая поляризация между Россией и Западом. Все это приводит к возрастанию рисков военного столкновения России и НАТО, при этом объемы их потенциалов значительно ниже в сравнении с периодом холодной войны.

Мы уверены в том, что Россия и Запад вряд ли должны испытывать иллюзии по поводу перспектив улучшения отношений. Для этого нет критической массы общих целей, интересов и ценностей. Партнерство едва ли можно выстроить ради самого партнерства. Парадигма сдерживания будет определять наши отношения в долгосрочной перспективе. Это нужно признать как неприятный, но реальный факт международной жизни, не испытывая иллюзорного оптимизма. *Тем не менее обе стороны имеют прагматичный интерес в стабилизации сдерживания. Меры сдерживания могут быть непредсказуемыми и хаотичными – в этом случае вероятность открытого конфликта существенно возрастает. А могут быть умеренными и относительно предсказуемыми. В этом случае риск эскалации можно эффективно контролировать, минимизируя ущерб от сдерживания.*

Наш исходный тезис состоит в том, что отношения России и Запада в области безопасности, несмотря на все более глубокую

негативную колею, не являются предзаданными. *Россия и Запад должны контролировать логику сдерживания, четко разделяя риторику и реальные действия оборонного плана.* В текущих условиях соблазн взаимно позиционировать друг друга как неизбежное зло велик с обеих сторон. У конфликтной парадигмы есть своя прагматика и ее нельзя, да сейчас и невозможно, перекрыть оптимизмом и доверием. В качестве альтернативы необходим последовательный и системный подход, который позволил бы каждой из сторон реализовать свои клю-

чевые интересы и при этом создать для себя комфортные и необременительные условия безопасности, избегая крайних сценариев. Важно также понимать, что безопасность находится в тесной связи с другими составляющими – ценностями, экономикой, запросами общества и др. Это значительно усложняет задачу, выводит ее за пределы диалога военных, дипломатов и экспертов. Системный подход должен подразумевать синхронную работу по всем переменным формулы евроатлантической безопасности.

Формула евроатлантической безопасности

На сегодняшний день формула евроатлантической безопасности складывается из целого ряда параметров. Причем неизвестными в этой формуле являются не столько сами параметры, сколько их реальный вес и влияние на дальнейшие трансформации. Каждый из них может «выстрелить» в неожиданном направлении, не говоря уже о слабой предсказуемости их сочетания и кумулятивного воздействия. Необходимо четко понимать набор параметров и возможные сценарии их динамики. Что же можно включить в корзину движущих сил евроатлантической безопасности?

Первое – динамику баланса сил России и НАТО. С одной стороны, здесь наметилась серьезная асимметрия. Систему евроатлантической безопасности можно охарактеризовать как асимметричную биполярность, что делает ее намного менее стабильной в сравнении с биполярностью эпохи холодной войны. Но с другой стороны, реальные военные потенциалы НАТО до украинского кризиса сокращались – пространственное расширение альянса сопровождалось снижением его ресурсной базы. Российские же потен-

циалы радикально сократились в 1990-х гг. и даже после масштабной военной реформы российские войска явно не ориентированы на полномасштабный конфликт в Европе, тем более в роли наступающей стороны. Украинский кризис сдвинул эту динамику. Вопрос в том, как именно стороны будут использовать свои ресурсы и какая доля этих ресурсов будет направлена Россией и НАТО друг против друга?

Второе – структурные особенности. Россия и НАТО – принципиально разные по своей природе игроки. Россия – суверенное государство, НАТО – военный блок. Структурные особенности последнего важны с точки зрения интересов, принятия решений и будущей стратегии альянса. Страны НАТО радикально отличаются друг от друга по своему вкладу в общую безопасность, что в будущем порождает вариативность подходов и к отношениям с Россией. Кроме того, здесь также важна будущая роль ЕС. Реализация амбициозных планов евробюрократов по наращиванию политической роли ЕС на текущем этапе сомнительна, но сам факт меняющейся роли европейского факто-

ра в структуре НАТО также порождает различные стратегические развилки.

Третье – режимы контроля обычных и ракетно-ядерных вооружений, а также состояние общеевропейской институциональной базы. Здесь переплетаются такие сюжеты, как ДОВСЕ (Договор об обычных вооруженных силах в Европе) и новые инициативы по КОВЕ (Контроль над обычными вооружениями в Европе), будущее ДРСМД (Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности), перспективы ДСНВ (Договор между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений), фактор ПРО и состояние стратегической стабильности в отношениях России и США в целом. Что касается институциональной базы, то здесь речь идет о будущем ОБСЕ и состоятельности базовых принципов международных отношений в Евроатлантическом регионе.

Четвертое – систему восприятия сторонами друг друга. В отличие от баланса сил, эту составляющую сложно измерить, однако ее роль крайне высока. Восприятие России внутри стран НАТО крайне неоднородно –

риторика польского образца явно контрастирует со сдержанностью Германии или средиземноморских стран. В самой России вопрос об уровне угрозы со стороны Запада является как минимум дискуссионным. Но и в том, и в другом случае решения нередко принимаются исходя из ожиданий худшего сценария. Это значит, что даже технически оправданные изменения баланса сил могут позиционироваться как смертельная угроза. Сложившиеся образцы взаимного восприятия порождают явную асимметрию между стимулом и реакцией, уровнем реальных угроз и последующего ответа на них. Понятие «чрезмерной реакции» (overreaction) хорошо характеризует ситуацию.

Пятое – конфликты на периферии России и НАТО, в которые обе стороны вмешивались, вмешиваются или будут вмешиваться в будущем. Балканы, Кавказ, Украина, Сирия и Ближний Восток в целом порождают дестабилизирующие импульсы разной интенсивности и мощности. Причем Россия, США и НАТО нередко оказываются заложниками происходящих там событий. Периферия способна провоцировать серьезные обострения

ФОРМУЛА ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

$$(X+Y+Z) \times (\alpha+\beta+\gamma) \times \underline{\text{II}}=?$$

и кризисы, а также порождать общие угрозы вроде радикального исламизма.

Шестое – состояние иных пространств уязвимости и конкуренции. Наиболее резонансным здесь, конечно, является киберпространство. Но здесь же следует отметить и медийное противостояние, которое приобретает новое качество в эпоху развития социальных сетей и появления феномена «постправды». Наряду с прокси-войнами на периферии, здесь разворачивается гибридная война, которую значительно сложнее операционализировать и, следовательно, по которой значительно сложнее определить правила игры.

Седьмое – процессы, находящиеся за пределами Евроатлантического региона. В отличие от холодной войны, когда мировая политика во многом сводилась к проти-

востоянию советского и западного блоков, сегодняшние международные отношения гораздо более многообразны. Рост КНР и других центров силы в будущем будет влиять на Евроатлантический регион все в большей степени. При этом Россия будет заметным военно-политическим игроком как на западе, так и на востоке.

Первые три переменные являются традиционными для нарратива о евроатлантической безопасности. Они же достаточно хорошо проработаны на уровне конкретных цифр и понятий. Их мы условно обозначим X, Y и Z. Вторую тройку операционализировать гораздо сложнее. Она же наименее отрегулирована – ее мы обозначим как α , β и γ . Наконец, седьмая переменная вообще является внешней по отношению к региону. Ее мы обозначим китайским иероглифом 丑.

Фактор X. Баланс сил

До украинского кризиса динамика военных потенциалов России и НАТО сама по себе не являлась проблемой для стабильности региона. Конечно, асимметрия оборонных расходов на протяжении всего периода после окончания холодной войны оставалась высокой. Основной вклад в такую асимметрию вносил рост оборонных расходов США в 2000-х гг. Однако этим расходам вряд ли можно приписать антироссийскую направленность. Американцы и их союзники тратили значительные средства на афганскую и иракскую кампании. После экономического кризиса 2008–2009 гг. и США, и их союзники проводили последовательный курс на снижение оборонных расходов. Причем нисходящая динамика наблюдалась вплоть до 2015 г. Американские оборонные расходы с 2009 по 2015 г. снизились с 757 466 до 641 253 млн долл. Расходы европейских союзников – с 282 240 до 235 305 млн долл.

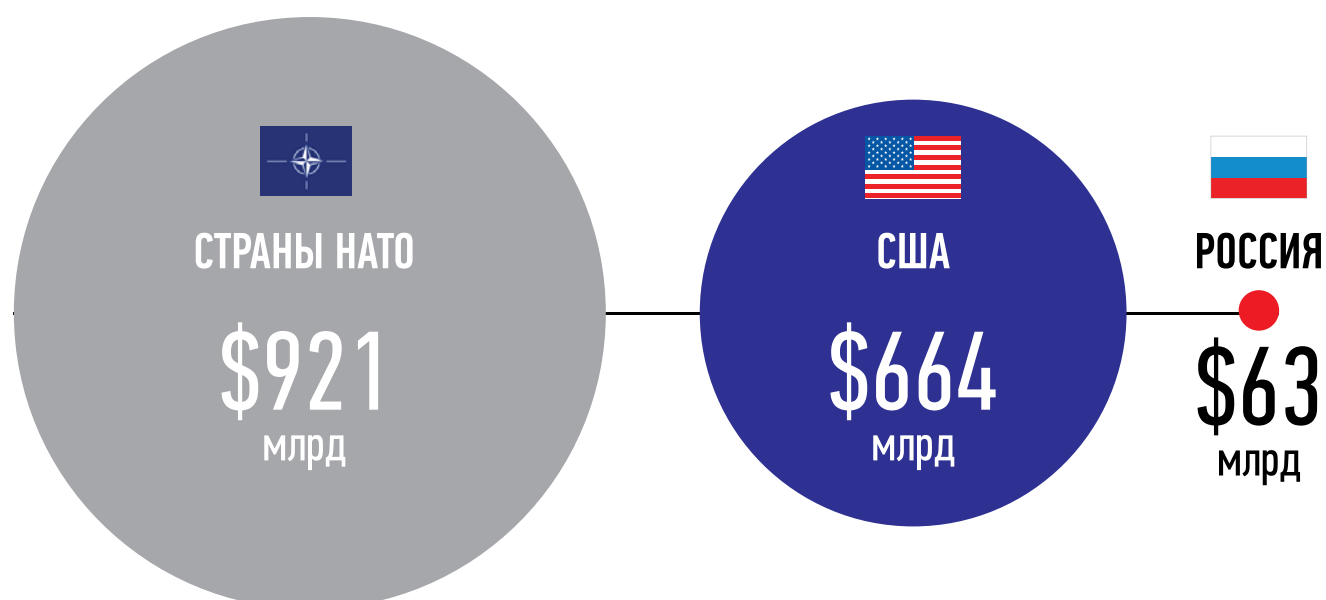
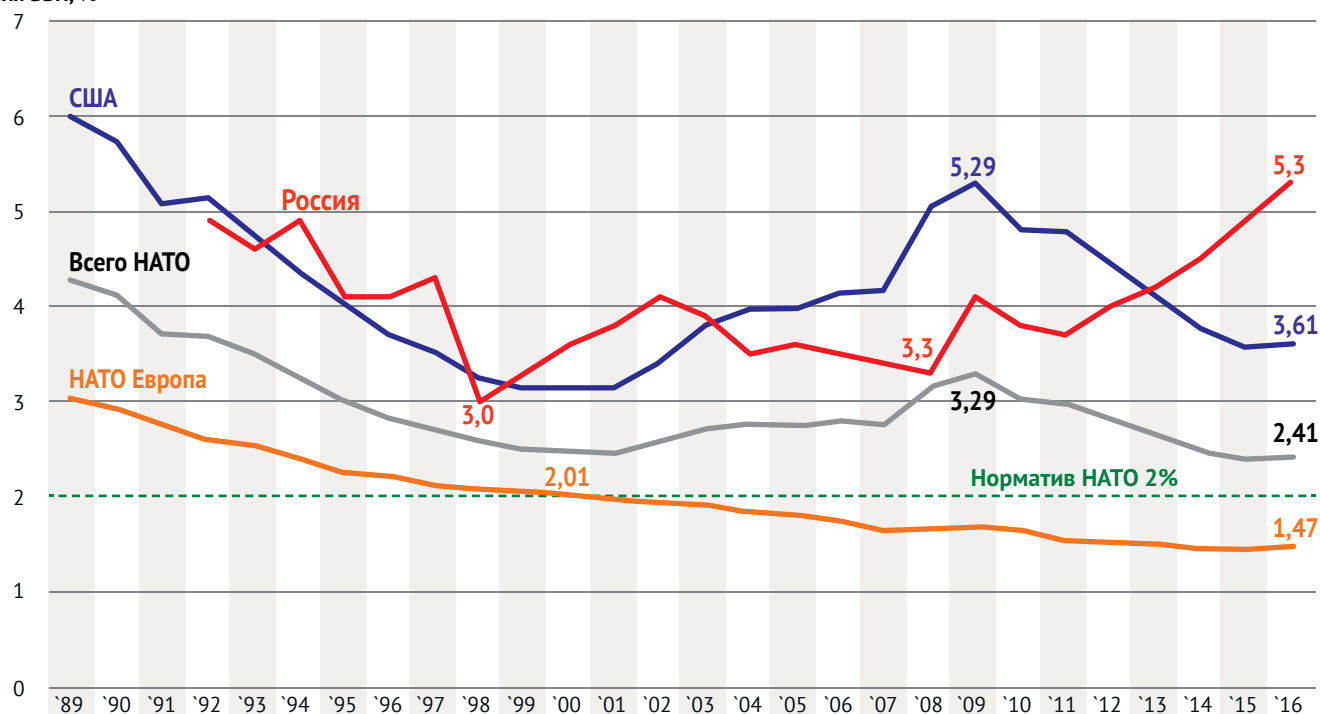
Расходы НАТО в целом ужались с 1 058 801 до 891 749 млн долл.¹ Падала и численность военного персонала. Американские вооруженные силы были сокращены с 1418 тыс. военнослужащих в 2009 г. до 1311 тыс. в 2015 г. Вооруженные силы европейских союзников – с 2112 до 1816 тыс. А НАТО в целом – с 3589 до 3192 тыс. Американское военное присутствие в Европе в начале 2016 г. составляло 25 тыс. военнослужащих, причем большая их часть размещалась в Германии (2-й кавалерийский (механизированный) полк, 12-я бригада армейской авиации и 10-е командование ПВО и ПРО) и в Италии (173-я воздушно-десантная бригада ВДВ)².

¹ Данные представлены в текущих ценах.

² Данные представлены на официальном сайте НАТО. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2017_03/20170313_170313-pr2017-045.pdf

РАСХОДЫ НА ОБОРОНУ

доля ВВП, %

Источник: НАТО, СИПРИ (для России).

В России после 2008 г. полным ходом шла реформа вооруженных сил. Оборонные расходы выросли с 51 532 млн долл. в 2009 г. до 88 353 млн долл. в 2012 г., но уже к 2015 г. составляли 66 421 млн долл.³ В рамках военной реформы была существенно оптимизирована как структура, так и численность армии. Однако траты на оборону все-таки составляют значительную долю ВВП – 5,4% на 2015 г. в сравнении с 4,1% в 2009 г.⁴

Украинский кризис существенно повлиял на планы сторон. Он дал серьезные аргументы для продвижения на Уэльском саммите НАТО установки на повышение оборонных расходов до 2% ВВП и траты 20% оборонных бюджетов на модернизацию и закупки новых вооружений (2/20). Кроме того, американцы в 2014 г. запустили Европейскую инициативу по повышению уверенности (ERI). Она предполагает наращивание присутствия, интенсификацию учений, создание запасов и инфраструктуры. На 2017 г. ее бюджет составит 3,4 млрд долл. в сравнении с 985 млн долл. в 2015 г. и 790 млн долл. в 2016 г. ERI также предполагает дополнение американских сил в Европе одной бронетанковой тактической группой, дислоцированной в Восточной Европе на ротационной основе (около 3500 военнослужащих, 2500 единиц техники, включая 87 танков), а также бригадой армейской авиации (2200 военнослужащих и 86 вертолетов) с местом дислокации в Германии. Однако радикальным повышением эти изменения назвать сложно – в 2012–2013 гг. США вывели из Европы две пехотные бригады – 170-ю и 172-ю. Так что ERI лишь восстанавливает статус-кво количественно, меняя качество сил и сдвигая место их размещения. В этой же логике американцами остановлено сокращение 493-й истребительной эскадрильи, базирующейся в Великобритании. В целом бюджет ERI акцентирован на создание заблаговременных запасов для развертывания в случае кризиса соединения ди-

визионного уровня – четырех дополнительных бригад (двух бронетанковых, артиллерийской, тылового обеспечения)⁵.

Меры предпринимаются и по линии НАТО. В 2014 г. на саммите в Уэльсе был принят комплекс мер по обеспечению боеготовности (Readiness Action Plan). Он предполагает значительное расширение сил быстрого реагирования НАТО (NATO Response Force) – до 40 тыс. человек, создав в их составе межвидовое оперативное формирование высокой боеготовности (Very High Readiness Joint Force, VJTF), способное начать развертывание в течение 48–72 часов. VJTF дополняется двумя многонациональными бригадами, а также различными другими элементами. Кроме того, по результатам Варшавского саммита 2016 г. в рамках программы усиленного внешнего присутствия создаются 4 многонациональных батальона в Польше и Прибалтике общей численностью 4–5 тыс. человек. Военная роль этих подразделений невысока, их размещение носит в основном политический характер – подтверждение гарантий безопасности со стороны НАТО.

В России также произошел ряд изменений. На юго-западных рубежах на базе существующих бригад созданы три новые мотострелковые дивизии (144-я, 3-я и 150-я). Воссозданы 1-я танковая и 8-я общевойсковые армии. Очевидно, что эти меры предпринимаются с учетом возможного нового кризиса в отношениях с Украиной и прикрытием границы, которая ранее была фактически демилитаризована. В дополнение к этому развернута 90-я танковая дивизия в Челябинской области, 42-я мотострелковая дивизия в Чечне, идет военное строительство в Арктике и в Крыму⁶. На этом фоне примечательно отсутствие со стороны России каких-либо серьезных шагов по изменению своего потенциала в Балтийском регионе. Москва избегает локальной гонки вооружений в зоне непосредственного соприкосновения с НАТО.

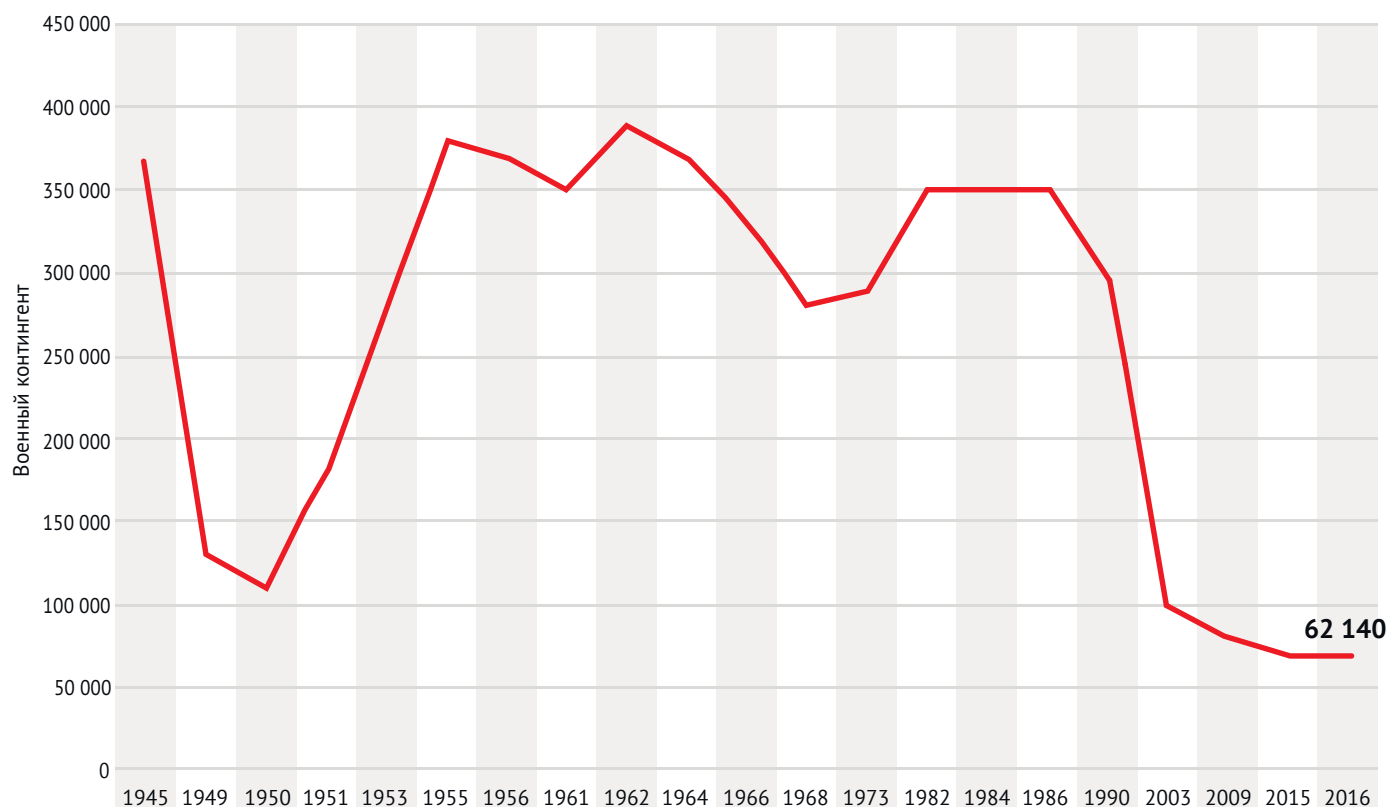
³ Здесь сказались колебания курса российского рубля к доллару США.

⁴ По данным СИПРИ.

⁵ См. Тебин П.Ю. Успокоительное с запахом пороха. Валдайская записка № 70. Июль, 2017.

⁶ См. Тебин П.Ю. Указ. сочинение.

ВОЙСКА США В ЕВРОПЕ (1945–2016)

Вооруженные силы США в Европе (2016)

Сухопутные войска 25 297

ВВС 28 369

ВМС 7 677

Морская пехота 797

Всего 62 140

Вооруженные силы США в Европе после холодной войны

–85%

Военный
контингент

–75%

Объекты
базирования

Источник: НАТО.

Обе стороны существенно нарастили интенсивность своих военных учений. Тем не менее радикальный рост военных потенциалов все-таки представляется маловероятным. США, европейские союзники и особенно Россия сталкиваются с финансовыми ограничениями. Тем более, что Россия в основном уже завершила программу своей военной реформы.

Таким образом, с точки зрения баланса сил, у России и НАТО парадоксаль-

ным образом появился общий интерес – стабилизация сдерживания. Она поможет не только избежать непреднамеренной эскалации, но и обеспечить рациональное распределение финансовых ресурсов. Если сдерживание не будет стабильным, то асимметричная биполярность, которая до украинского кризиса не была критичной, приобретает иное качество, порождая серьезные риски.

Фактор Y. Асимметрия НАТО

Структура НАТО является несбалансированной – в ней выделяются «поставщики» и «потребители» безопасности. На США приходится почти 70% оборонных расходов блока. Именно США продвигают концепцию 2/20. Она выгодна американцам и с точки зрения распределения финансового бремени, и с точки зрения расширения рынка вооружений для своего ВПК. Европейским союзникам, по сути, предлагается больше платить за свою безопасность и больше поддерживать союзный (а значит во многом американский) ВПК. С этой точки зрения, «российская угроза» является серьезным аргументом.

Однако если посмотреть на структуру расходов европейских союзников, выявятся структурные особенности, которые неизбежно будут оказывать влияние на политику альянса. В европейском сегменте расходов НАТО 12 стран⁷ из 26 вкладывают в общий бюджет по одному проценту или менее, а их совокупный вклад составляет чуть больше 4,4%. Эта группа в основном состоит из числа новых восточноевропейских и балканских членов. Из числа восточноевропейских стран только Польша может похвастаться относительно заметным вкладом (4,3%) и достижением планки оборонных расходов в 2% ВВП. Остальных можно смело зачислить в «потребители» безопасности. Неудивительно, что почти во всех этих случаях оборонные расходы не достигают 2% ВВП, а там, где двухпроцентная высота взята (как в случае Эстонии), это все равно не делает погоды для блока, ведь в реальном выражении сумма расходов ничтожна⁸.

Второй важный европейский сегмент – «поставщики» безопасности. Это Великобритания и Франция. В сумме они обеспечивают более 41% общеевропейских военных расходов. Лондон превышает порог в 2% ВВП, а Париж

близок к нему. Однако у них есть две важные особенности. Обе страны являются ядерными державами и имеют внерегиональные военно-политические амбиции. Относительно высокая доля военных расходов в ВВП – плата за обе эти составляющие и является константой независимо от «российского фактора».

Третий сегмент – страны⁹, обеспечивающие заметный финансовый вклад, но при этом не имеющие или избегающие значительной глобальной ответственности, а также трезво воспринимающие реальный уровень «российской угрозы». Совокупный вклад этих стран в общеевропейские расходы НАТО – почти 50%, при этом ни одна из них, кроме Греции, не выполняет требование 2% от ВВП на военные нужды. Подобная политика вполне рациональна. В случае этих стран наращивание оборонных расходов будет обеспечивать чужие глобальные интересы, но вряд ли увеличит безопасность самих этих стран. В случае выполнения требования 2/20 именно на них ляжет весомая доля расходов. Так, например, Германии придется увеличить свои траты более чем на 30 млрд долл., Италии – на 18 млрд долл., Испании – на 16 млрд долл., Нидерландам – на 7 млрд долл.

Иными словами, в европейском сегменте НАТО выделяется значимая доля стран, которые являются ключевыми бенефициарами сценария стабильного сдерживания. В отличие от восточноевропейских стран им нет смысла спекулировать на «российской угрозе». Их вклад в общеевропейские расходы НАТО велик. Именно им придется взять на себя ответственность за расширение оборонных бюджетов. Даже если они выполнят требование 2/20, в их интересах направить расходы на наиболее актуальные для себя вызовы, такие как борьба с радикальным исламомизмом, – а не на преувеличенную угрозу со стороны России.

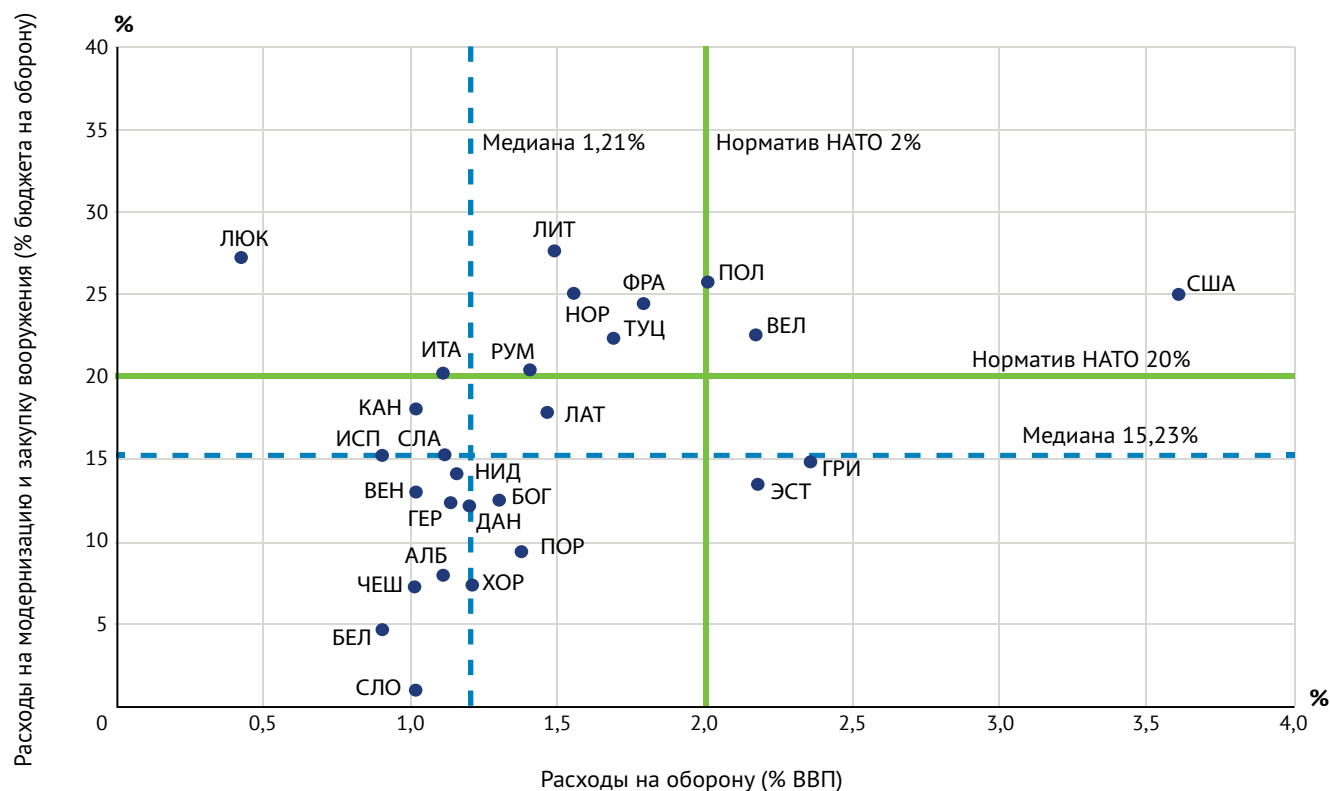
ЕС также является важным структурным элементом. В случае реализации новой

⁷ В порядке убывания: Румыния, Чехия, Венгрия, Словакия, Болгария, Хорватия, Литва, Словения, Эстония, Латвия, Люксембург, Албания. Здесь и далее в разделе данные взяты с официального портала НАТО. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2017_03/20170313_170313-pr2017-045.pdf

⁸ Только у Чехии эта сумма превышает \$2 млрд, и только у Венгрии и Словакии – \$1 млрд. У остальных она ниже \$1 млрд.

⁹ В их числе – Германия, Италия, Испания, Нидерланды, Норвегия, Греция, Бельгия, Дания, Португалия. К их числу также можно было бы отнести Турцию.

СОБЛЮЖДЕНИЕ НОРМАТИВОВ ОРГАНИЗАЦИИ СТРАНАМИ НАТО (2016)

Источник: НАТО.

глобальной стратегии, ЕС, теоретически, имел бы шанс стать более значимым игроком. Это могло бы привести к переформатированию НАТО от схемы «США+союзники» к «США+ЕС+союзники». На Варшавском саммите была принята декларация НАТО-ЕС, в которой определены ключевые направления взаимодействия и их «разделение труда». Предполагается, что в сфере ответственности ЕС будут гибридные угрозы, киберпространство,

противодействие незаконной миграции и др. Однако эта модель, по сути, является асимметричной. ЕС оказывается связанным не только политическими, но и оперативными установками НАТО, а значит теряет стратегическую самостоятельность. Это означает, что Германии и другим странам, не заинтересованным в раскрутке военных расходов, возможно, придется жертвовать своими интересами ради атлантической взаимозависимости и солидарности.

Фактор 7. Режимы и институты

Эрозия режимов контроля над вооружениями, размывание роли ОБСЕ как института общеевропейской безопасности и растущая неопределенность в области стратегической стабильности – тенденция как минимум по-

следних полутора десятилетий. Для системы евроатлантической безопасности это создает негативный фон. Утрачиваются инструменты взаимной предсказуемости, наработанные на исходе холодной войны. В среднесрочной

перспективе высока вероятность их дальнейшей деградации и гибели, что ставит на повестку дня вопрос о новых правилах. Тем не менее крайне важна конкретная политика сторон, их реальные шаги в сторону наращивания или сокращения вооружений, а также усилия по сохранению отдельных норм и правил.

Режим контроля над обычными вооружениями дал трещину после отказа членов НАТО ратифицировать адаптированный ДОВСЕ. Имплементация ДОВСЕ резко снижала бы для России актуальность расширения альянса, ведь в этом случае можно было бы эффективно контролировать взаимные потенциалы. Отсутствие ДОВСЕ превращало для России суверенный выбор отдельных стран в пользу НАТО в игру с нулевой суммой и делало военно-политическую конкуренцию за постсоветское пространство неизбежной. Вместе с тем и Россия, и НАТО вплоть до настоящего времени остаются в рамках параметров и «духа» договора, а также придерживаются Основопологающего акта Россия-НАТО 1997 г. (пусть и достаточно размытого в определении «избыточной военной активности»). Это крайне важный момент, который позволяет так или иначе возобновить диалог. И хотя инициатива Франка-Вальтера Штайнмайера 2016 г. по КОВЕ не получила достаточного развития, сама по себе военная сдержанность остается значимой ценностью и для России, и для НАТО. В качестве рабочей альтернативы возможен диалог по отдельным субрегиональным соглашениям по обычным вооружениям. Речь, в частности, могла бы идти о контроле вооружений в Балтийском регионе.

Режим контроля над ракетно-ядерными вооружениями – прерогатива отношений России и США, но для европейского континента он имеет важное значение. ДРСМД – ключевая составляющая европейской безопасности. Идет его постепенное расшатывание: Россия недовольна возможным двойным назначением ПРО США, американцы обвиняют Москву в разработке и испытаниях запрещенных вооружений, хотя и отказываются предоставить факты. Вряд ли стороны пойдут на выход из ДРСМД.

Однако договор рискует де-факто утратить свою значимость. Это может произойти, в том числе и в силу новых технологических реалий в военной сфере, не соответствующих параметрам РСМД. Американцы все более активно увязывают исполнение ДРСМД с перспективами диалога по СНВ. Пражский договор, вероятно, будет продлен, но работа над новым договором может быть застопорена. Кроме того, на Западе все чаще раздаются призывы к тому, чтобы использовать ПРО для сдерживания России. Дальнейшее развитие ПРО может стать препятствием для работы над параметрами перспективного СНВ уже со стороны Москвы. При этом эрозия ДРСМД и ДСНВ болезненно скажется на безопасности России и США, и еще больше – на безопасности Европы.

Существенной проблемой для евроатлантической безопасности стало размывание роли ОБСЕ как инклюзивного общеевропейского института. Основопологающий акт 1997 г. закреплял за ОБСЕ ведущую роль. На деле деградация ОБСЕ шла пропорционально усилению роли НАТО. По сути, альянс взял на себя роль ключевого европейского института безопасности. Тот факт, что он не является инклюзивным для России, породил неизбежные трудности, а затем и кризисы в отношениях России и НАТО. Совет Россия-НАТО как компромиссный инструмент с задачей сглаживания разногласий не справился. Украинский кризис вновь актуализировал роль ОБСЕ: по крайней мере, организация осталась единственным (пусть и несовершенным) инструментом посреднического решения конфликтов. Но текущее положение дел вокруг Украины показывает и пределы влияния ОБСЕ, и необходимость адаптации хельсинкских принципов к текущим реалиям.

Как итог, эрозия режимов контроля над вооружениями и слабость ОБСЕ закрепляют сдерживание в качестве ключевого сценария. Тем не менее управляемая трансформация основных режимов и институтов должна способствовать стабилизации сдерживания. Резкий слом оставшихся механизмов обеспечения предсказуемости вряд ли укрепит чью-либо безопасность.

Фактор α . Восприятие и идентичность

Баланс сил, структура альянсов и институты важны сами по себе. Однако такие тонкие материи, как восприятие и идентичность, могут придать им качественно иной смысл. Это наглядно показал украинский кризис. Россия и Украина едва ли представляли друг для друга военную угрозу. Российские и натовские потенциалы существенно сократились со времен холодной войны. Тем не менее вокруг Украины разразился жесточайший кризис, во многом носивший ценностную подоплеку. Здесь можно выделить сразу несколько элементов, влияние которых будет долгосрочным.

Прежде всего – роль России как «важного другого» в структуре западной идентичности. Сюжет «инаковости» и «цивилизационной некомпетентности» России особенно активно развивался в последние 25 лет в Восточной Европе. Справедливости ради нужно отметить, что антироссийский элемент в восточноевропейской политике постепенно снижался. Однако грузинский, а затем и украинский кризисы придали ему качественно новый импульс. Структура и логика антироссийского нарратива строится на посылке о порочности и исторически сложившемся несовершенстве российского государства как такового: Россия последовательно позиционируется как авторитарное государство, которому необходимо научиться правильным формам политической жизни, но которое упорно учиться не хочет. Порочность внутреннего устройства России проецируется на ее внешнюю политику – авторитарная природа государства, согласно такой установке, порождает экспансионистскую и агрессивную внешнюю политику. До тех пор, пока Россия не изменится внутренне, нельзя ожидать изменений ее внешней политики. Россия нередко воспринимается как своего рода «лабораторная крыса», поведение которой можно регулировать наказаниями (санкциями) или поощрениями. Такая установка имплицитно присутствует и в американском политическом нарративе о России.

В сухом остатке получается, что явно или неявно российскому государству западные партнеры отказывают в легитимности. В то время

как с российской стороны сомнений в легитимности западных государств и их политических режимов не высказывалось и не высказывается. Такой дисбаланс существенно осложняет решение чисто политических проблем. Трудно представить себе конструктивный диалог с партнером, который исходит из посылки о необходимости или неизбежности смены устройства твоего государства.

После холодной войны на этот стереотип накладывалась и другая установка – представление о неизбежном угасании и упадке России. Такая установка порождала и соблазн игнорировать интересы Москвы при сохранении внешне партнерских отношений. Тем более сильный диссонанс вызвало внезапное возвращение России на арену мировой политики в качестве активного игрока. Нет сомнений, что Россия действительно переживает массу проблем. Здесь и отсталость экономики, и человеческий потенциал, и система управления. Однако политика, по меткому выражению Федора Лукьянова, делается в настоящем – «здесь и сейчас»¹⁰. Проецирование «неизбежного упадка» на текущую политику стало серьезной ошибкой, а сценарий угасания России оказался далеко не предзаданным.

Антизападные установки сильны и в российской идентичности. Нужно признать, что нередко враждебность Запада искусственно преувеличивается как СМИ, так и отдельными политическими силами. С влиянием Запада подчас связываются едва ли не все беды, происходящие как в самой России, так и в ее ближайшем окружении. Понятие либерализма превратилось в антоним патриотизма. Все это самым негативным образом влияет на те направления сотрудничества с Западом, которые объективно нужны самой России, и укрепляет антироссийскую риторику на Западе. В России есть еще одна опасная установка – растущая убежденность в неизбежности крушения либерального мирового порядка, которая зеркально отражает западную убежденность в угасании России. Весь этот

¹⁰ Лукьянов Ф. Политика здесь и сейчас // Газета. 2016. 28 июля. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/9716069.shtml>.

нарратив глубоко укоренился на уровне стратегической культуры по обе стороны и является

серьезным препятствием для стабилизации политических отношений.

Фактор В. Конфликты на периферии

За конфликтами на периферии окончательно закрепились роль детонатора отношений России и Запада. С каждым новым вмешательством мощность взрыва детонатора усиливалась. От Югославии до Сирии Россия и Запад прошли длинный путь. По иронии Москва выступила «прилежным учеником» Вашингтона и Брюсселя в обосновании и проведении собственных операций. Можно до бесконечности рассуждать о том, кто прав, а кто виноват в каждом конкретном случае. Но общий результат всех вмешательств – упадок международных институтов, окончательный подрыв доверия, растущая роль фактора силы, еще больший упадок периферии с букетом порождаемых им проблем – от неконтролируемой миграции до терроризма.

В России вплоть до настоящего времени остается крайне популярной точка зрения о том, что конфликты на периферии являются результатом интриг Запада. Зеркальное мнение укоренено и среди западных русофобов – рука Москвы видится им за каждым более или менее значимым событием. Это заблуждение привело к серьезной проблеме – недооценке внутренней динамики переходных стран на российской и европейской периферии. И Россия, и Запад «проспали» многие процессы, которые подспудно копились на их фронтах и которые один за другим стали порождать революции и кризисы государств со всеми вытекающими последствиями. Последующие интервенции лишь усилили эти проблемы, окончательно вывели их из-под контроля и вдобавок превратили Россию и Запад в непримиримых соперников. Обе стороны оказываются заложниками происходящего на периферии, не будучи в состоянии контролировать ее. Это блокирует даже теоретические попытки договориться хотя бы о минимальных правилах игры.

Украинский вопрос – долгосрочный негативный фактор. Выполнение Минских соглашений в текущих условиях практически невозможно. Киев воспринимает их как навязанные ему после военных поражений на Донбассе и будет предпринимать все возможные усилия для их блокирования или же перевода в выгодную для себя плоскость. Париж и Берлин не смогут (и вероятно не захотят) оказывать давление на Украину с целью выполнения соглашений. Россия не будет «сдавать» Донбасс и тем более поднимать вопрос о Крыме. Все стороны выбрали выжидательную стратегию, надеясь на то, что какие-то чрезвычайные обстоятельства заставят оппонента пойти на уступки. На Украине и на Западе, похоже, ждут экономического и политического кризиса в Москве, который выступил бы в роли *game changer* – фактора, кардинально меняющего правила игры. В Москве присутствуют аналогичные ожидания в отношении своих оппонентов. При этом ни Москва, ни Вашингтон, ни Брюссель не контролируют украинскую ситуацию. *Это делает долгосрочную заморозку конфликта прагматичным сценарием для всех вовлеченных сторон.*

В сирийском вопросе и на Ближнем Востоке в целом у Москвы и Вашингтона гораздо больше возможностей для компромисса. При всех разногласиях у России и Запада здесь общая угроза в виде радикального исламизма. Причем угроза носит идеологический характер, что делает ее гораздо опаснее – на месте каждой разгромленной террористической организации будут возникать новые, пока не удастся достичь перелома в идеологической борьбе. Однако готовность выступить единым фронтом против радикалов пока вызывает большие сомнения. Рост противоречий России и Запада будет прямо пропорционален росту их уязвимости перед угрозами исламизма. *Стабилизация сдерживания в этом случае выступает меньшим из зол.*

Фактор γ. Новые пространства уязвимости и конкуренции

Цифровая среда уже давно превратилась в пространство конкуренции. Однако общее ухудшение отношений России и Запада сделало киберпространство еще более чувствительной областью. Здесь нет сложившихся правил игры. Кроме того, зачастую кибератаки и контратаки вообще очень непросто идентифицировать с тем или иным государством или актором. Цифровая среда – идеальное пространство для гибридного противостояния, когда формально никаких враждебных акций нет, но фактически идет ожесточенное противостояние. При этом государства и их институты слабо защищены от кибератак, и эта уязвимость возрастает по мере быстрого роста цифрового сегмента. Под ударом оказывается широкий спектр областей – от баз данных государственных институтов, до объектов критической инфраструктуры, включая ядерные. Проблема в том, что кибератаки крайне легко политизировать и сложно перевести в плоскость предсказуемого юридического разбирательства между сторонами. Такой дисбаланс порождает непропорционально высокое воздействие цифровой среды на политические отношения. В будущем ее роль будет только возрастать. Механизмы взаимодействия Москвы и западных столиц по угрозам в киберпространстве остаются неудовлетворительными.

Скандал вокруг якобы российского вмешательства в американские президентские выборы – прекрасная иллюстрация. В США влияние российских хакеров на исход выборов считается аксиомой. Но при этом, уже по традиции, американской стороной не были представлены какие-либо доказательства по причине их «секретности». Механизм двусторонних консультаций, предусмотренный для таких случаев, использован не был. С политического уровня дело так и не перешло в юридическую плоскость. Все это создает опасный прецедент, когда любая страна может быть обвинена в чем угодно. Укрепляет ли такой подход безопасность США, их союзников и России? Вряд ли.

С цифровой средой связана и другая проблема – новое качество медийной среды. Социальные сети порождают феномен «постправды»,

когда любое мнение, даже не подкрепленное какими-либо данными, мгновенно раскручивается в социальных сетях. «Правдивость» мнения определяется его источником: пользователи социальных сетей склонны верить своим «друзьям» и окружению в сети, но никак не фактам. Все это обесценивает профессиональную журналистику. Сегодня «журналистом» может быть любой блогер или пользователь социальных сетей. Раньше пропаганда носила централизованный характер и ее можно было контролировать. Сегодня она получает собственную логику, подчас доводя официальную риторику до абсурда. Проблема в том, что сетевой абсурд становится фактором политических решений повсеместно – от Ванкувера до Владивостока. Одновременно сеть легко обесценивает информацию профессиональных ведомств. Медийная политика Дональда Трампа и его отношения со спецслужбами симптоматичны для века «постправды». Социальные сети вроде Twitter становятся более значимым источником информации, нежели ежедневный президентский бриф ЦРУ.

Для евроатлантической безопасности новые пространства конкуренции означают лишь одно. Любой дестабилизирующий сигнал в «традиционных» сферах нашего взаимодействия получит непропорционально высокий резонанс в новых пространствах. И наоборот. Импульсы из новых пространств оказывают растущее влияние на «традиционные». Цена и ущерб от дестабилизирующих действий резко возрастают и в будущем могут оказаться неожиданно высокими.

Большую популярность приобрело также и понятие «гибридная война». Крайне размытое само по себе, оно ассоциируется на Западе с комплексом скрытых враждебных действий России по дестабилизации обстановки за рубежом. Проблема в том, что в России гибридные действия Запада считаются давней историей. Цветные революции полагаются ничем иным как формой гибридной войны. Обе точки зрения преувеличивают реальные угрозы. Но в век «постправды» это важно лишь узким специалистам.

КИБЕРВОЙНА ЦРУ

Фактор . Внерегиональные силы

Увлеченность, с которой Россия и Запад позиционируют себя в качестве взаимной угрозы, говорит о том, что они до сих пор придают своим отношениям глобальный характер. Между тем за более чем четверть века после окончания холодной войны глобальная роль безопасности Евроатлантического региона существенно размылась. Рост внерегиональных игроков, перенос центра тяжести мировой политики в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) лишает Евро-Атлантику статуса «оси» мировой политики. Мир действительно становится все более многополярным. Однако многополярность далеко не тождественна безопасности. Имея более плюралистичный характер по своей форме, многополярность порождает и новый уровень неопределенности.

Динамика потенциала КНР и политика его использования китайским руководством становятся все более значимыми в новой конфигурации. Пекин ведет сбалансированную, осторожную, но при этом напористую внешнюю политику. Страна выходит на качественно новый уровень технологического развития, что отражается на ее военно-политических возможностях (в том числе в космической и ракетно-ядерной сферах). Растет ее экономическое влияние. КНР перехватывает инициативу в области «мягкой силы», предлагая своему окружению концепцию гармоничного соразвития. У Пекина есть все шансы выстроить систему региональных и межрегиональных экономических альянсов, особенно на фоне кризиса американоцентричного Транстихоокеанского партнерства. Наконец, события в Южно-Китайском море показали способность Пекина жестко отстаивать свои интересы в области безопасности.

Для евроатлантической безопасности рост КНР важен в нескольких измерениях. Первое – военно-политическое

сближение Москвы и Пекина. Пока рано говорить о нем как о военном союзе. Но оно достигло значительных масштабов, и это важная дипломатическая победа Москвы, позволяющая существенно смягчить западную изоляцию. Кроме того, сближение России и КНР превращается в проблему для США. Вашингтон может попасть в ловушку двойного сдерживания, когда разрываться придется на противодействие Москве и Пекину одновременно. Второе – концентрация американского военно-политического присутствия в Азии, которое неизбежно будет взаимосвязано и с аналогичным присутствием в Евро-Атлантике. Третье – возможное переформатирование стратегической стабильности в силу растущей роли ракетно-ядерного потенциала Пекина, а также его активности в космосе, киберпространстве и других сферах.

Вместе с тем важно понимать, что Вашингтон и Пекин не обречены на геополитическое противостояние. Возможное некритичное постулирование этого сценария в Москве может привести к серьезным политическим просчетам. КНР и США сохраняют высокий уровень экономической взаимозависимости. Аналогична ситуация и в отношениях с ЕС, причем успех инициативы «Один пояс, один путь» еще больше укрепит связи Китая с Европой. В определении новых глобальных правил Москва рискует остаться во второстепенной роли.

В сухом остатке углубление противоречий между Россией и Западом будет ослаблять их конкурентоспособность. В треугольнике Россия–КНР–Запад Пекин занимает наиболее благоприятное положение, имея отношения с Россией и с Западом лучше, чем Россия и Запад друг с другом. Стабилизация сдерживания, а в перспективе и отказ от конфронтации становятся для Вашингтона, Брюсселя и Москвы вопросом их глобальной конкурентоспособности.

Сценарии евроатлантической безопасности

Исходя из семи обозначенных параметров, попробуем определить несколько возможных сценариев развития ситуации в области евроатлантической безопасности. Конечно, мы вряд ли сможем учесть в сценариях все возможные комбинации. Тем более мы не претендуем на выявление универсальных «закономерностей». Недавняя история показала, насколько нелинейным мо-

жет быть влияние даже тех факторов, которые нам давно знакомы и хорошо изучены – вроде баланса сил. Тем не менее мы считаем возможным и необходимым обозначить несколько возможных альтернатив, каждая из которых может стать результатом влияния обозначенных нами факторов или их совокупности. За горизонт прогноза будем брать ближайшие восемь лет или 2025 год¹¹.

Сценарий 1. Стабильное сдерживание

Россия и страны НАТО позиционируют друг друга в качестве приоритетных угроз, обмениваясь жесткой риторикой и критикой. Однако они избегают резких шагов по наращиванию своих военных потенциалов, проявляя военную сдержанность в духе ДОВСЕ и Основопологающего акта 1997 г. Особенно осторожно стороны подходят к взаимодействию в Балтийском и Черноморском регионах – зонах непосредственного соприкосновения. Установка 2/20 фактически пересмотрена в сторону снижения. Значительная часть средств направлена на противодействие терроризму и другим актуальным вызовам. ДРСМД сохранен, хотя ему на смену и не пришел договор, адаптированный к новым технологическим реалиям. Пражский договор продлен. Диалог по обычным вооружениям так и не возобновлен. Роль ОБСЕ остается второстепенной. Конфликт на Донбассе не решен, хотя и приобрел замороженный статус. Постсоветское пространство находится в состоянии равновесия. В Сирии создано де-факто федеративное государство с особыми зонами влияния Ирана, Турции и России. При этом радикальный исламизм не побежден и лишь набирает обороты. Россия и За-

пад остаются мишенью террористов, но их сотрудничество по противодействию экстремизму ограничено. В киберпространстве периодически происходят скандальные преступления, в которых Москва и Запад обвиняют друг друга. Правила игры для цифровой среды фактически не выработаны, но стороны не рискуют идти на обострение. Китай ведет осторожную политику, избегая открытого конфликта с США и поддерживая высокий уровень взаимозависимости в экономике. Тем не менее Вашингтон вынужден проецировать мощь в АТР для сдерживания Пекина, что ограничивает возможности американцев в Европе.

¹¹ Контуры сценариев были намечены в рамках ситуационного анализа, проведенного 9 марта 2017 г. Идея стабильного сдерживания как одного из сценариев была представлена в следующей публикации: Timofeev I. *Russia and NATO in the Baltic / The Baltic Sea Region: Hard and Soft Security Reconsidered*. Edited by Maris Andzans and Ilvija Brūge. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2016.

Сценарий 2. Неустойчивое сдерживание

Кумулятивный набор проблем – обострение в Донбассе, инциденты на Ближнем Востоке, громкие преступления в киберпространстве, ожесточившаяся информационная борьба – приводят к серьезному наращиванию оборонных потенциалов России и НАТО. Стороны вынуждены мобилизовать свои ресурсы для поддержания баланса сил и воспринимают друг друга в качестве главной угрозы. Зоны соприкосновения в Прибалтике и Черноморском регионе милитаризованы. На Украину идут активные поставки вооружений. Россия перевооружает ЛДНР. НАТО консолидирована как никогда. Это создает крайне неустойчивую политическую обстановку. Изоляция Рос-

сии в Евроатлантическом регионе возрастает. ДРСМД прекращает свое существование. ДСНВ не продлевается. Дискуссия по КОВЕ считается анахронизмом. В Европе масштабно разворачиваются элементы ПРО, направленные на сдерживание Москвы. Россия превращается в «государство-крепость». В киберпространстве происходят резонансные инциденты, их количество растет. КНР остается в стороне от обострения России и Запада. Американцы проецируют мощь в Европе и вынуждены закрывать глаза на постепенно растущее влияние Пекина. Ядерное оружие – единственное, что удерживает Россию и НАТО от дальнейшей эскалации.

Сценарий 3. Конфликт

В результате внезапного кризиса в одной из постсоветских стран стороны идут на резкое обострение, провоцируя региональный конфликт в зоне соприкосновения. Задача – в скоротечном конфликте нанести локальное поражение оппоненту, заставить его пойти на существенные политические уступки и понести репутационный ущерб. Ставка делается на скорость, внезапность и ограниченность операции с целью избежать более масштабной эскалации. Потери в результате столкновения

превосходят ожидания, кризис затягивается. Стороны не смогли добиться молниеносной победы и теряют контроль над эскалацией. Границы конфликта расширяются. Происходит точечный обмен ударами по объектам инфраструктуры. Идут мощные атаки в киберпространстве. Россия и США – на грани обмена ракетными ударами. В качестве посредников в конфликт пытается вмешаться Китай и другие державы. Мир на грани ядерной катастрофы.

Сценарий 4. Сокращающееся сдерживание

В результате положительных сдвигов в решении украинского конфликта происходит улучшение отношений России и НАТО. Минские соглашения не могут быть выполнены в полном объеме. Однако сторонам удается найти компромиссную формулу проведения выборов в Донбассе, начать исполнять дорожную карту реинтеграции, осуществить встречные меры доверия. Намечается прогресс

по целому ряду направлений, хотя инерция конфликта все еще слишком велика. Россия и НАТО договариваются о мерах военной сдержанности в Прибалтике и в Черноморском регионе. ДРСМД сохранен и адаптирован к новым технологическим реалиям. Идет диалог о новых параметрах СНВ, в том числе с учетом американской ПРО. Ближний Восток остается ареной нестабильности. Взаимодействие России

и США здесь идет трудно, но на уровне военных осуществляется непрерывная коммуникация, позволяющая избежать инцидентов. Правила взаимодействия в киберпространстве так и не созданы, но стороны воздерживаются от враждебных действий и совместно

купируют провокации. Идет ослабление враждебности в СМИ, хотя она по-прежнему остается в социальных сетях. Москва все в большей степени идет на военно-политическое сближение с Пекином. Это позволяет ей вести более уверенный диалог с Западом.

Сценарий 5. Партнерство

На фоне растущих общих вызовов и благодаря политической воле лидеров ключевых государств Евроатлантического региона запущен процесс всеобъемлющего восстановления партнерства России, с одной стороны, НАТО, США и ЕС – с другой. Выстраиваются отношения в формате ОДКБ–НАТО. Главная цель – обеспечение взаимных гарантий безопасности и совместное противодействие терроризму, экстремизму и выходящей на новый уровень

киберпреступности. США, ЕС, Китай и Россия предпринимают шаги по созданию общего всеобъемлющего пространства безопасности. В рамках этого формата кардинально пересматриваются режимы контроля над вооружениями, определяются параметры управления цифровым пространством, модальности вмешательства в конфликты. Система международных отношений качественно меняется, а понятие евроатлантической безопасности уходит в прошлое.

Заключение: парадокс стабильного сдерживания

Представленные сценарии, конечно, являются упрощением. Реальность гораздо богаче и в наборе факторов, и в вариантах развития ситуации. Тем не менее даже самая простая сценарная матрица позволяет очертить альтернативные траектории будущего, экспертно оценить их вероятность и желательность. Приходится констатировать, что с позиций сегодняшнего дня сценарий неустойчивого сдерживания с риском последующего перехода в сценарий конфликта, при всей его нежелательности, является вероятным. И наоборот, сценарий сокращающегося сдерживания с возможностью перехода в режим партнерства – маловероятным.

Сценарий стабильного сдерживания становится своего рода водоразделом, точкой бифуркации между двумя этими траекториями. Парадоксальным образом стабильное сдерживание – наименее стабильный сценарий, поскольку из него можно «сорваться» либо в траекторию конфликта, либо в траекторию сотрудничества. Однако в условиях, когда парадигма сотрудничества маловероятна, затягивание стабильного сдерживания – меньшее из зол. Сценарий стабильного сдерживания позволит взять паузу, выиграть время, уклониться от опасной эскалации и, возможно, выйти на конструктивный этап отношений с учетом новых реалий.

#Valdaiclub

 ValdaiClubRu

 ValdaiClubRu

ru.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

ISBN 978-5-906757-60-9

